

**Светлый Север поэта,
писателя, художника и переводчика
Дмитрия Голубкова (1930–1972)**

**Марина
ГОЛУБКОВА,
Владимир
ГРАЧЕВ-мл.**

г. Москва

В июле – сентябре 1973 г. в журнале «Север» впервые был опубликован (посмертно) роман Дмитрия Голубкова «Недуг бытия. Хроника дней Евгения Боратынского» («мой аттестат зрелости», – говорил о нем автор). Еще через полтора года, в марте 1975-го, известный петрозаводский писатель, переводчик, доктор философских наук Юрий Линник в своей рецензии «Лица необщим выраженьем» подытожил: «Скромно названный хроникой, роман Дмитрия Голубкова воспринимается как... мемуары. Поразительное проникновение в эпоху». «Хроника дней Евгения Боратынского» обрела свое достойное место в подмосковном музее-усадьбе Мураново им. Ф. И. Тютчева и Е.А. Боратынского и в Казани – в музее Е. А. Боратынского (филиал Государственного музея Татарстана).

Примечательно, что роман Дм. Голубкова о Е.А.Боратынском, которому автор посвятил 7 лет жизни и ради которого ушел из издательства «Советский писатель», и поныне, спустя 46 лет после его создания, маститые литераторы считают «лучшим образцом позднесоветской классики». Печально: автору не суждено было увидеть напе-

чатанными два своих романа из трех (повезло лишь первому роману «Милея» – о старой Москве): роман о Боратынском при жизни автора был отвергнут «вследствие множества идеологических просчетов» тогдашним ленинградским журналом «Звезда», московской «Дружбой народов» и даже «родным» издательством Голубкова «Советский писатель», где он проработал 10 лет старшим редактором редакции русской советской поэзии, – причем не за страх, а за совесть, отстаивая многие достойные книги непрерываемо признанных сегодня авторов – Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Анатолия Жигулина.

Роман «Восторги» – о художественной интеллигенции в тисках сталинщины. Его очень хвалил лауреат Государственной премии, знаменитый Фазиль Искандер (рецензия сохранилась). Роман пролежал в столе автора 21 год и был издан лишь единожды, с сокращениями, в журнале «Дружба народов» в 1993 г.

В июне 2017 г. мы представили сотрудникам музея «Мураново» изданный нами за свой счет сборник «Дмитрий Голубков. Это было совсем не в Италии...». Мы впервые полностью включи-

ли в него дневники нашего отца и деда о его встречах и задушевных беседах с выдающимися поэтами, писателями, философами, художниками, музыкантами и актерами XX в. (Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком, Арсением Тарковским, Самуилом Маршакom, Борисом Шергиным, Михаилом Бахтиным, Иваном Козловским, Олегом Бошняковичем, Дмитрием Тарховым, Александром Косолаповым, Назымом Хикметом, Мартиросом Сарьяном и др.) «Замечательную дневниковую прозу» (определение первого секретаря Союза писателей Москвы, заслуженного деятеля искусств РФ, чрезвычайного и полномочного посла ЮНЕСКО, а в прошлом – нашего министра культуры Е.Ю. Сидорова) мы опубликовали в обрамлении фрагментов прозы (вошла даже целая глава о роковом путешествии Боратынского в Италию) и десятков стихотворений Дм. Голубкова о боготворимой им природе, о служителях искусства и о любви:

«...А за окнами – свет и сиянье, и волшебно светло – словно днем... Где-то горестно взвизгнули сани – и молчанье, молчанье кругом». (Из поэмы «Державин в Карелии» или «Олонецкий губернатор»: полностью опубликована в первой книге стихов «Влюбленность». – М., «Молодая гвардия», 1960 и «Судьба». – М., «Современник», 1986.)

«О снежное Онежье, светлый Север! Наверно, добр и ясен этот край, коль даже ночь его как день ясна». (Из стихотворения «Белая ночь» из второй книги лирики «Свидание». – М., «Советский писатель», 1962.)

Уже две первые книги стихов Дм. Голубкова, где, помимо поэмы о Г.Р. Державине, были напечатаны главы поэмы «Поручик Лермонтов» и стихотворение «Старый моряк», посвященное народному писателю Карелии, заслуженному работнику культуры, почетному гражданину Петрозаводска, прозаику и драматургу Антти Тимонену, – снискали горячие симпатии известных литераторов и читателей (у нас сохранились десятки писем из разных концов бывшего СССР) и отзыв крупнейшего лермонтоведа той поры Ираклия Андроникова.

В 1960 г. Голубков был принят в Союз писателей. В 1966 г. выпустил первый сборник прозы («Отцовский табак». – М., «Молодая гвардия»): реквием по ушедшему навсегда отцу (одноименный рассказ), история создания шедевра Валентина Серова («Девочка»), драматические и курьезные эпизоды из жизни юного Лермонтова («Кузен Мишель»), новелла о крестном отце автора – выдающемся теноре, непрямом потомке Лермонтова, пензяке Дмитрие Тархове («Это было

совсем не в Италии...»), военная повесть («Волоком по Ламе»), повесть о геологах («Синие розы») и другие рассказы.

В 1990 г. Союзом писателей тогдашнего СССР была создана комиссия по литературному наследию Д.Н. Голубкова; ее председателем стал известный поэт и правозащитник Владимир Леонович, а секретарем – пишущая эти строки дочь писателя; среди членов комиссии – известные писатели и поэты, в том числе Фазиль Искандер и Анатолий Жигулин. Добавим, что вечер памяти Николая и Дмитрия Голубковых – отца и сына («Рукопожатье. Крест французский...»), прошел в минувшем году в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына: Николай Голубков был героем Первой мировой войны, фельдфебелем Русского экспедиционного корпуса, сражавшимся во Франции, Греции и Сербии и награжденным тремя воинскими крестами, включая Георгиевский. (Мемуары нашего деда и прадеда «На западном фронте незадолго до перемен» в мае 2016 г. опубликовал журнал «Дружба народов».) Помимо вышеуказанного рассказа, Дмитрий Голубков посвятил Голубкову-старшему поэму «Отец» (кн. «Свидание»). Вечера памяти Дм. Голубкова в 2013 – 2017 гг. прошли в Центральном доме литераторов, в десятках московских библиотек и культурных центрах. Сборник «Это было совсем не в Италии...» мы представили также на Московской международной книжной выставке-ярмарке, в Итальянском институте культуры при посольстве Италии в Москве, на Культурном форуме в Манеже, на конференции «Абрамцевские чтения-2015»...

Приятным сюрпризом для нас стало наличие в фондах Национальной библиотеки Карелии (НБК) крупных прозаических произведений нашего отца и деда (романов «Недуг бытия» и «Восторги», повестей о поэте-бунтаре XIX в. Александре Полежаеве «Пленный ирокезец» (в этом году исполняется 180 лет со дня его рождения), об ученике Коровина и Серова – Мартиросе Сарьяне «Доброе солнце» и рассказа «Кузен Мишель» (в сб. «Недуг бытия: роман, повесть, рассказ», 1987). В НБК есть и многие статьи о творчестве Дм. Голубкова, в том числе наши с сыном тематические подборки из его произведений («И так светло сияют тени отпыхавшего огня...» – «Наше наследие», № 121 за 2017 г., «Русский Карузо», «Поэт и Музыка», «Музыкальные моменты – и часы поэта, писателя и художника Дмитрия Голубкова». – «Музыка и время», 2014–2016 гг., «В ритме сердца – размером судьбы» в архангельском «Белом пароходе», 1993 и др.). Удиви-

тельным открытием стал тот факт, что в библиотеках Карелии хранится даже больше статей о Д.Г., чем в книжных фондах Подмосковья! Правда, выяснилось, что здесь (в том числе и в НБК – в отличие от Подмосковья) нет ни одной из семи поэтических книг Дм. Голубкова, так что сборник «Это было совсем не в Италии...», поступивший в фонды НБК, восполнит досадный пробел.

* * *

Дмитрий Николаевич Голубков (1930–1972) родился в Москве. Мальчиком он зачитывался М.Ю. Лермонтовым, И.С. Тургеневым и Л.Н.Толстым, увлеченно рисовал в художественной школе, замороженно слушал рассказы родителей о Первой мировой войне и нэпе. Спустя несколько лет еще одним замечательным собеседником Мити станет крестный отец, заслуженный артист РФ Д.Ф. Тархов.

Поэт, он всегда стремился уловить какие-то полутона и оттенки:

*Но в этом мальчике из стройотряда,
Что манный пудинг так угрюмо ест,
Пророс какой-то взгляд, какой-то тест,
Который разгадать мне очень надо.*

(Из стихотворения «На биостанции МГУ». – Из кн. «Окрестность», «Советский писатель», 1971.)

Внимая историям поживших людей, в том числе старых крестьян и охотников из деревень, в которых писателю довелось побывать, он старался как бы воочию увидеть все, происходившее когда-то, восстановить связь времен. А другие истории, которые поведали нашему отцу и деду московские, уральские, грузинские и армянские старожилы, еще ждут своего опубликования. Свою седьмую (ставшую последней прижизненной) поэтическую книгу автор хотел назвать «Оттенки», «Подоплека», «Воочию», «Обитель» либо «Связь времен». Его выбор пал на нейтральную «Окрестность», – но, может, то было решением советских издателей, усмотревших в предложении автора политический либо религиозный подтекст.

Смолоду наш отец и дед был очарован русским Севером. Об этом свидетельствуют дневники, которые будущий автор 14 книг (поровну – поэзии и прозы) вел с 15 лет – с 1945 г.:

«Здесь, в тиши, в природе легче стать собой. Люди милей и понятней».

«...Был у Вик[тора] Гончарова, на Песчаной площади. Посидели, выпили водки – и в его ката-

комбы, в подвалы – мастерскую и хранилище. Весь в искусстве, поразительно тонкий скульптор. Растравил рассказами (и показами – фотографии, иконы) о Севере, о Каргополе. Мечтаю поехать – пожить там».

Путешествия по казенной надобности и из личного интереса начались с поездок студента журфака МГУ по Подмосковью: он подрабатывал корреспондентом отдела сельской жизни газеты «Московский комсомолец», где в 1953 г. было напечатано его первое стихотворение «Деревья». Тогда же Митя понял, что не станет журналистом: не мог он лгать читателям газеты, лакируя действительность в угоду председателям совхозов.

Послушаем героя первого романа писателя («Милеля». – М., «Советский писатель», 1969):

«Господи, ведь не для того мы родились, чтобы ради какого-то там оклада биться, тратиться? Небо не видим – только в форточку, только в лужице, осколок отражения. И хоть все мироздание в тартарары, хоть испепелись все – так и будем существовать: в подкидного дуться, пить водку, лгать...»

Каргополь писателю не суждено было увидеть воочию, зато он успел полюбоваться другими северными городами и весями. В 1953 г. Дмитрий впервые увидел Ленинград (позднее его впечатления отразятся в новелле «Простая девчонка»), в 1958 г. – Петрозаводск, Мурманск и карельские деревни, в 1963 г. – Новгород, Псков, Святые горы, Михайловское, в 1965 и 1966 гг. – ближний Север – Вологду, Тотьму и Великий Устюг:

«Впервые – в стихию народной, не городской жизни: древние смешные и волшебные городки – Тотьма, Устюг, – лесопункты (Игмас, Нюксеница), деревни, поющая речь Севера, светлые его глаза, доверчивая ласковость, теплая, сильная, увлекающая вода Сухоны, лесосплав, храмы, избы, чудесные ребята-вологжане: серьезный заботливый умница Сережа Викулов [впоследствии – главный редактор журнала «Наш современник»], удалой и открытый Витя Коротаев, Саша Романов, Вася Белов – рыжебородый, бледный, с едкими и хваткими голубыми глазами; и, конечно, – стерляжья уха и земляника, охраняемая комариными бандами, и кручи над Сухоной, обросшие соснами и елями. Просторная северная светлая Русь – есть где дышать и петь, и думать, и любить!» (подробнее см. сборник «Это было совсем не в Италии...»)

В 1968 г. наш отец и дед снова приехал в Псков и Новгород, но уже по приглашению Ираклия Андроникова:

«Звонок Андроникова: «Дмитрий Николаевич, мы все, и я в особенности, хотим, чтоб Вы приняли участие в Пушкинских праздниках в девя-

тидневной поездке. Вы – совершенно необходимая краска. Вы согласны ехать? – Я просто счастлив! Слово сон какой-то...»

Творческим итогом северных путешествий Дм. Голубкова стали поэмы «Державин в Карелии» (второе название – «Олонецкий губернатор»), «Метель в Вологде» и «Ильмень-озеро», стихи о Кандалакше и Онежье, здешние акварели, карандашные и чернильные портреты Вас. Белова и Ал. Яшина (репродуцированы в № 121 «Нашего наследия»). Прославленные тамошние литераторы тепло (совсем не по-северному!) встречали своего коллегу по перу: Антти Тимонен и Алексеи Титов – в Петрозаводске, Игорь Григорьев – в Пскове, Василий Белов, Николай Рубцов, Александр Романов в Вологде: «Провинциальный и незнатный, старинный город – ты мне мил», – признавался поэт в поэме «Метель в Вологде». Север действительно сыграл светлую роль в жизни самого писателя и в посмертной судьбе главной книги его жизни – романа «Недуг бытия».

В сентябре 1970 г. писатель две недели жил на Белом море. (Среди его друзей были и биологи, в том числе знаменитый бард и доктор биологических наук Дмитрий Сухарев.):

«Кандалакшская губа, биостанция МГУ. Трудная жизнь; жестокая и холодная красота: порог, отъединяющий от людей (особенно – от молодости). Современная учащаяся юность и молодость прекрасны (самоотверженность, чистота, хороший практицизм)».

Власти проигнорировали прошения писателя о творческих командировках в Финляндию и Италию («по местам загадочного идола» автора – Е.А. Боратынского). Таким образом, северные пейзажи, присутствующие в романе «Недуг бытия», списаны с Карелии и Кандалакши.

Частично мысли и наблюдения из записных книжек Голубкова о поездках на север изданы журналом «Дружба народов» (№ 6 за 2015 г.). Впервые публикуются сохранившееся письмо из далекой Кандалакши 1970-го нашего папы и дедушки, а также стихи.

Письма

Письмо Дмитрия Голубкова семье

16 сентября 1970 г.
Биостанция МГУ,
Белое море.

Здрасьте, мои милые! Пишет ваш отец, а кому и муж, старый седой заполярник.

Живу я в деревянном домике-дачке, поделенном на 3 квартиры с тремя отдельными керасками [орфография автора] и крыльцами. Так вот одну (кераска, кухонька и большая комната) занимаю я. Мне выписали и привезли дров, выдали на складе постельное белье и три подушки, плоские и твердые, как донья бочек для засола сельди, и я топлю себе печечку, колю дрова, объедаюсь брусничкой, купаюсь по утрам в Кандалакшской губе (вода не холоднее, чем в Митяевом озере) [шутливое название любимого подмосковного пруда писателя] и питаюсь в студенческой столовке (1 р. 20 к. в день).

Погода теплая – наверно, такая же, как в Абрамцеве; раз десять на дню начинает идти дождик (ночью иногда хлещет не переставая), показывается на часок-другой солнце, – потом подымается ветер, потом опять дождь. Живу как в таежной сторожке: попытки разговориться по душам, узнать, чем дышат биологи, почти безуспешны. Большинство из них держится замкнуто, кастово, раздражаясь дилетантскими расспросами. Да и относятся они к нашему брату-литератору крайне подозрительно: приезжали сюда журналисты и печатали потом такую чепуху – обхохочешься! [орфография автора] «Летели кальмары, со свистом рассекая воздух... Аспирантка (имярек) исследует червячков-пескожилов, решая проблему продления человеческой жизни». И т.д. Да и заняты все дьявольски: вся биостанция построена (и продолжает строиться) руками самих же биологов: кандидатов наук, аспирантов, студенческих стройотрядов... Ибо МГУ (т.е. Министерство просвещения) почти не финансирует биостанцию... Особенно трудный, героический момент – как раз нынешняя осень: проводят высоковольтный ток от Пояконды (километров 15 в тайге): государство вместо 50 тысяч, положенных на такое строительство, отпустило лишь 17 (!) и не дает никаких специалистов. Сами рубят просеку, сами по брюхо в воде настилают в топи гать, ставят столбы, собирают и крепят изоляторы,

тянут провод. Причем трассу приходится прокладывать среди нагромождения огромных валунов, кои растаскивает на бульдозере (немочном, планировочном) сам директор биостанции, главный ее энтузиаст и подвижник Перцов, биолог, мучимый (за 19 лет такого вкалывания) десятками недугов – от радикулита и сердца до адовой зубной боли. Негде взять даже тракториста, ибо все спецы уходят работать в другие (близкие) места, где платят полярные. (Пояконда, находящаяся за Полярным кругом, отнесена к Карельской АССР.)

Ездил с рабочими тутошними на два дня (на моторке) в рыбацкую деревню Черная речка... Парился в Черной бане (грязно, неудобно ужасно!). Кормил ночью клопов.

Пытался выманить у стариков иконы – не дают [так в тексте], скупердяи! Написал три акварельки и три стих[отворени]я (не считая записей в книжку). Читаю 1-й том Платона – диво-дивное, и очень понятно, художественно. Долго здесь, по видимому, не высижу, а посему срочно напишите по письму (не авиа!) Целую Вас [так в тексте]

Впервые печатаются письма заслуженного деятеля искусств Карелии, известнейшего поэта и переводчика Николая Лайне Дмитрию Голубкову.

Предположительно в июне 1958 г. Дм. Голубков впервые побывал в Карелии – очевидно, именно тогда он познакомился с Ник. Лайне и с Алексеем Титовым. В июле 1958 г. (ровно 60 лет назад) началась оживленная деловая переписка двух поэтов, быстро переросшая в дружбу. Спустя 11 лет после знакомства в 1969 г. Лайне вновь предложил своему товарищу и переводчику совместно поработать.

Из дневника Д.Г.(май 1969 г.):

«Начал переводить Карельскую поэму Ник. Лайне... – 1 июня сдавать».

На следующей странице читаем (цит. по кн. «Это было совсем не в Италии...»): «Окончил перевод поэмы.

(1300 строк в две недели)».

И еще через несколько дней

(июнь 1969 г., стр. 489 – 491 кн.

«Это было совсем не в Италии...»):

«Поэма Лайне принята и одобрена».

Письма Николая Лайне Дм. Голубкову

19.07.58

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Привет из Карелии! И вместе с приветам наилучшие пожелания творческих успехов в работе, креп-

кого здоровья и счастья в жизни. Решил начеркнуть пару слов, т.к. от Вас ничего не слышно. К тому же я сегодня отправляюсь в большое путешествие.

Сюда же, на север, к берегам Лизксы, куда и Вас приглашал. За новой книгой стихов. Так что если будете что-нибудь писать, то 15 августа пишите по адресу: КССР, Ругозерский р-н, с. Ребопы, Гиппиеву Николаю Григорьевичу. В Петрозаводске буду числа 20. А если погода будет не благоприятствовать, то даже раньше.

Хотелось бы узнать, как все же обстоят дела с книжкой. На финском языке книга будет. А вот как на русском языке? Есть новые и, как люди говорят, неплохие стихи. Нужно ли прислать подстрочники? У нас дела идут по-старому. В начале июля провели съезд [писателей]. Прошел неплохо. Теперь готовимся к декаде. Погода в дни съезда этого стояла чудесная. Были дни, когда в тени было 30 градусов, а на солнце 45 градусов. Теперь же капризы севера берут свое. Вот, кажется, и все. Привет от Антти Тимонена, Алексея Титова и, персонально – от всей моей многочисленной семьи.

Лайне

Х.Х.1958 г.

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Привет из Петрозаводска. От меня, от всей моей семьи и от товарища по работе. Письмо твое получил в первых числах октября, но отвечаю только сейчас. Причина задержки в том, что надо было выяснить судьбу переводов у Марата Тарасова.

Добрая весть твоя о моей книге, конечно, обрадовала меня несказанно. Большое тебе спасибо! Просьбу твою Марату передал. Те шесть стихов, подстрочники которых остались у Марата, будут высланы тебе в его переводе в ближайшие дни. Он, впрочем, собирался звонить тебе вчера, не знаю только, состоялся ли разговор. Вчера же он читал мне переводы «Карелии», «Легенды о двух скалистых горах» и «Девушки с букетом». По-моему, переводы у него получились, близкие по духу, содержанию и образам к оригиналу. Но тебе виднее. Получишь и сам оценишь.

Отпуск провел неплохо. Были вместе с ребятами на берегах Лизкс-озера, рыбачили, охотились, бродили по лесам. И загорели, не хуже, чем на берегу Черного моря. Впечатлений новых – масса и они просятся на бумагу, только вот времени нет писать. В первую очередь надо завершить перевод «Горе от ума». Книга стихов на финском находится в наборе, в эти дни должен получить корректуру.

Пополнения пока нет. Да и нужно ли – ведь в этом отношении долг перед Отечеством выполнен.

Ну, а как твои дела-делишки? Скоро ли получишь новую квартиру? Не собираешься ли в наши края? Приезжай. Скоро зима, а зимой здесь просто прелестно. Желаю успеха в работе, крепкого здоровья и большого счастья в жизни. Пиши.

Твой Николай

25.10.58

Дмитрий Николаевич!
Привет из Петрозаводска.

Ты, видимо, уже успел получить наши письма – мое, а затем и Марата Тарасова, в котором он послал нужные переводы. По моим понятиям, он сделал их довольно добросовестно. Правда, в стихотворении «Карелия» эпитет – «Коварный враг» режет ухо, но его, наверное, можно исправить. Конечно, каково качество переводов, тебе видней. Я очень сожалею, что не перевел стихотворения о матери (подстрочник я просил его послать тебе), т.к. финским читателем оно было воспринято очень тепло. Не знаю, сделаны ли там переводы таких стихотворений, как «Мой земляк» («Мужчины Лизксы») и «Родной край». Если сделаны, очень хорошо. Если же нет, то я высылаю их вместе с этим письмом в переводе М. Тарасова. Первое из них печаталось в газете «Литература и жизнь», второе – в нашей республиканской. Смотри сам, что с этим делать.

Антти Тимонен едет завтра в Финляндию. Он будет присутствовать на съезде общества «Советский Союз – Финляндия». Остальное идет по-старому. Усиленно готовимся к декаде. Напиши пару слов, в каком состоянии находится моя книга. Уже ли ты «окрестил ее»? Если нет, то предлагаю: «Под звуки кантеле» или «Под северным сиянием», хотя последнее, конечно, уже было использовано.

Напиши все же о себе и о своих творческих делах. Приезжай в Карелию – всегда гостем будешь.

С приветом, Н. Лайне

2.XII.58

Дорогой Дмитрий Николаевич! Привет из Петрозаводска. Наконец-то получил от тебя письмецо. Большое спасибо за него. Ты только не воспринимай мою прошлую просьбу как проявление «нетерпимости» или пошатывания нервов. Нет. Я, как и любой другой автор, просто хотел узнать толковое слово о своей книге. Ну, само собой понятно, что и договор для нас (не миллионеры же мы!) не является лишним.

На съезд [писателей] приехать не удастся: кто-то должен и журнал делать. Приветы твои Марату и другим передал. Впрочем, Антти Ник[олаевич] Тимонен сегодня уже уехал в Москву, а Марат со-

бирается поехать в ближайшие дни. Антти я попросил передать тебе следующее:

1) То, что я тоже хотел бы до выхода книги прочесть переводы. Может, у тебя имеется 2 экз. (или в гранках.) Если это возможно, вышли, пожалуйста. Я их не задержу и сразу вышлю обратно.

2) Названия я так и не придумал. Оно, видимо, остается за тобой. Лучший вариант, видимо, все же будет тот, если возьмем название одного стиха (например «Карелия» или «В пургу» или что-нибудь в этом роде) или подберем одну хорошую строчку.

Книга на финском называется «Песни Лизксы». Она уже подписана и печатается. Объем ее 9 печатных листов (154 стр.). В этом месяце выйдет из печати. Как только получу, сразу вышлю тебе.

Недели две тому назад у меня был корреспондент «Литературы и жизни». Взял грудку подстрочников. Правда, я его предупредил, что некоторые из них, возможно, уже переведены в Москве, и рекомендовал обратиться к тебе. Часть подстрочников, в том числе стихи из нового цикла «Мои земляки», были новыми. Возможно, он что-нибудь из них переведет и даст либо в газету, либо в журналы какие-либо.

Ты тоже не сердись, а пиши. И поторопи своих бухгалтеров в отношении договора (или кто там их технически оформляет). Откровенно говоря, хотелось бы получить его до Нового года. Если это тебя не затруднит. Еще раз привет и наилучшие пожелания творческих успехов и крепкого здоровья от всей нашей семьи.

Твой Николай

3.04.69

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Извини, пожалуйста, что пишу с таким большим опозданием. Закрутился с рукописью так, что дальше некуда. Теперь, кажется, сделано все нужное. Первого апреля послал всю книгу Ромуальду [Минна]. Наверное, в ближайшие дни он свяжется с тобой и даст читать. Буду страшно рад, если возьмешься, так как знаю, что это будет сделано добротнo. Лично я лучшего варианта и не смог бы и придумать. Если какие-то детали будут не совсем ясные, можно будет связаться и по телефону (дом 2-44-14, на работе 4-23-15), а при необходимости встретиться или у нас или в Москве.

Жизнь идет по-старому, но, конечно же, есть масса нового: новая квартира, почти взрослые наследники, неузнаваемо выросший Петрозаводск и т.д. и т.п. В письме – не передать и тысячной доли из всего этого. Встретимся – сам увидишь, или я расскажу.

Посылаю тебе свою последнюю книжку. В ней – много из той книги, которую ты сам делал и редактировал и за которую я до сих пор бесконечно благодарен тебе. Начеркни хотя бы пару слов о своем житье-бытье. Буду с нетерпением ждать ответа.

Желаю тебе от всей души самых лучших успехов в делах, крепкого, как наши карельские скалы, здоровья, много счастья и, конечно же, большой любви и согласия в семье.

С весенними приветами из пока еще зимне-студеной Карелии, Николай.

[Открытка] 6.11.1969

Дорогой Митя!

Сердечно поздравляю тебя и семью с праздником Октября, желаю новых творческих достижений, крепкого здоровья, счастья и радости в жизни. «Север» с главками из поэмы вышел в свет. Следовательно, об этих и других делах подробнее письмом, которое все еще за мной.

Жму руку. Николай

31.07.69

Дорогой Дмитрий!

За книгу твою я сказал спасибо в своем последнем письме, на которое ответа пока что так и нет. И тем не менее меня следует разнести в клочья, по крайней мере, стоило бы уже из-за того, что, получив от Ромуальда Минны [редактора редакции поэзии издательства «Художественная литература»] перевод поэмы и прочитав его, я сразу не написал ничего тебе. Решил, что напишу через 2-3 дня (когда впечатления немного улягутся), потом отложил это дело до приезда Ромуальда, а потом, когда он уехал в Калевалу, я затерял в бумагах твой дачный адрес. Думал, возьму у Минна, когда он поедет обратно. Но оказалось, что и у него нет. А вот вчера, разбирая свой вечно беспорядочный архив, я все же нашел и письмо твое, и, конечно же, адрес. И теперь, как видишь, пишу и коленопреклонно прошу простить мне мои великие преступления.

А теперь, как говаривал наш Яккола, «плише к телу». Твой перевод мне очень и даже очень понравился. Даже с теми небольшими сокращениями, что ты сделал. По-моему, они не искажают ни сюжета, ни событий тех лет, о которых повествуется. Образы сохранили свои цвет и запах. А язык просто превосходен. Я просто удивляюсь, как ты смог так быстро и превосходно перевод сделать. Я же писал эту штуку несколько лет! Словом, большое тебе спасибо, Митя. Земля Карельская не забудет твоего подвига!

И все же несколько (очень мало!) замечаний у меня имеется:

1) Не лучше ли озаглавить «На перепутье»? Такое название, как мне кажется, более верно характеризовало бы то смутное и беспокойное время.

2) Стр. 10 в слове «Эмили» получается ударение на последнем слоге, фактически оно на первом слоге.

3) Стр. 15 строка: «Тебе жена я, милый» вводит в заблуждение, так как в Карелии в те времена девушка не допускала ни-ни до свадьбы. Могла спать с парнем в одной кровати, но оставалась девицей. Поэтому предлагаю, если подойдет, заменить слово «жена» словом «верна».

4) В последней строке завершающие главы (перед эпилогом нет концевой [конечной] рифмы), ничего?..

Вот и все мои замечания и придирки, которые я обнаружил при неоднократном чтении.

В таком виде не стыдно предстать перед русским читателем. Теперь о другом теле! Поэму прочитали в нашем журнале «Север». Отзывы – исключительные (4 члена редколлегии, остальные еще читают).

Хотят опубликовать до выхода книги, но очень и очень сокращенно. Очевидно, на днях будут решать. Так как перевод – твоя работа, я без твоего согласия не могу сказать ни да, ни нет. Напиши или позвони, как быть.

С официальной частью завершено. Как настроение у Ромуальда? Он приехал, по договоренности с Ругоевым и Степановым, в такое время, когда я не в состоянии был делать хотя бы что-нибудь для него. У меня – полон дом гостей, потом приезд финской делегации и, наконец, архив. Не мог сам выехать никуда, да и семья сидит все еще в городе. Правда, и погоды были плохие, настоящее лето – вот сейчас, с неделю. Думаю, что сие дило мы исправим, как только судьба чуточку отпустит из своих когтей. Притом с твоим участием. А теперь прошу молиться, чтобы 4 августа меня окончательно освободили от армейских пут.

Хотел написать еще кое-что, да совесть замутила: надо же и твое время ценить. Вот и все. Буду ждать ответа даже в том случае, если забреют. А теперь – желаю всяческих благ и тебе, и семье, привет и лучшие пожелания всем, кто еще помнит меня. Жму крепко руку! Николай.

От редакции. Авторы публикации передали в дар Национальной библиотеке Республики Карелия пять писем Н.Н.Лайне Д.Н.Голубкову, а также две его книги с дружескими автографами своему переводчику – герою данной публикации.

СТИХИ

Взрослые становятся детьми

На досуге в летний лес войдя...
Я брожу под елями до тьмы,
Страхивая звездочки дождя.

Сыроежки и опята рву,
Хоть они совсем мне не нужны.
И валюсь в пушистую траву,
И горланю в царстве тишины.

Я один – и вместе не один.
Здесь дубы надежны, как друзья.
Птицы с густолиственных вершин
Мне поют о счастье бытия.

Елочки, потупившись, молчат,
Темные ресницы опустив.
Грузно опускается закат –
Он в лесу особенно красив.

Тонет в сумерках зеленый дом –
Клад простых и радостных чудес.
Здесь я забываю о дурном,
О добре я вспоминаю здесь.

Милый лес,
Стихи мои прими.
А твои с собой я унесу...
Взрослые становятся детьми
В ласковом задумчивом лесу.

Зрелость

День сгорел, и деревья из пепла.
Зданья серые тоже как пепел.
Все истлело – лишь сердце окрепло,
Словно я и усталости не пил.

Словно утра и дня я не прожил,
Словно юностью я еще не жил.
Чувств не тратил, надежд не итожил.
Как младенец, невинен и нежен.

Будто вдруг – из младенчества в зрелость,
Без тревог, без невзгод и падений;
Стал я мудрым, и сердце согрелось.
И – как пепел – прошедшего тени.

Клен

*Невдалеке гудят заводы,
И воздух дымом утомлен...
Украденный клочок природы,
Дождливой ночью дремлет клен.*

*Проходит пьяненький, горланя,
Грохочет грозно грузовик,
Но дремлет клен в сыром тумане,
Он не проснется. Он привык.*

*Здесь на окраине продымленной,
У грязной свалки он рожден...
Апрель. Набухли почки клена.
Клен наслаждается дождем.*

*И на ветвях его блестящих
Литые капли не дрожат...
Ему б в густой родиться чаще,
Где каждый клен другому – брат.*

*Где, вытянув нагие шеи,
Стоит дозор сестер-берез,
Где в зной и легче, и свежее,
Где мягче и добрей мороз...*

*Но клену хорошо сегодня.
А рядом с ним, в остатках льда,
Листок темнеет прошлогодний –
Его сгоревшая звезда...*

*А мне его зачем-то жалко,
Затем, что не в лесу густом –
Родился рядом с грязной свалкой
И наслаждается дождем.*

*И невдомек бедняге-клену,
Что в жадные ладони роц
Не городской, не продымленный –
Чистейший, вкусный льется дождь.*

*А он и тосковать не может
По братьям дальней стороны,
Его дремоты не тревожат
Неведомого счастья сны.*